

Князь Д.М. Пожарский и культ Макария Унженского и Желтоводского в Поволжье в первой половине XVII в.

Алексей Морохин

Prince D.M. Pozharsky and the cult of Macarius Unzhensky and Zheltovodsky in the Volga region in the first half of the 17th century

Aleksey Morokhin

(National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870006388-7

Личность и различные аспекты деятельности лидера Второго ополчения кн. Дмитрия Михайловича Пожарского уже не одно столетие привлекают внимание исследователей¹. Немало внимания в исторической традиции уделено и формированию культа прп. Макария Унженского и Желтоводского (1349—1444), сторонника строгого общежительного устава и исихастских практик². Вопрос об особой роли кн. Пожарского в прославлении святого и внедрении его культа на территории Поволжья также ставился специалистами. В науке даже высказывалось предположение, что князь, очевидно, принимал участие в обсуждении вопроса о канонизации подвижника³. Не возражая против представленных авторами доводов, считаю возможным высказать ряд новых соображений по этому вопросу.

Известно, что почитание Макария Унженского и Желтоводского имело место уже в XVI в.⁴, но после завершения Смуты и утверждения новой династии его культ оформился окончательно: состоялась официальная канонизация, получили широкое распространение сочинения о чудесах святого — покровителя

© 2019 г. А.В. Морохин

¹ Новейшее исследование, посвящённое князю: *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.

² Реконструкцию биографии прп. Макария см.: *Тарасенко Л.П.* Иконография Макария Желтоводского и Унженского по письменным источникам и произведениям изобразительного искусства. Дис. ... канд. искусств. М., 2006. С. 22—40.

³ *Поньрко Н.В.* Обновление Макарьева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 43. Л., 1990. С. 64; *Воскобойник Н.В.* Сказание о чудесах преподобного Макария Желтоводского и Унженского в Смутное время // Мининские чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 380-летию освобождения Москвы земским ополчением под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Н. Новгород, 1992. С. 35—37; *Тарасенко Л.П.* Иконография Макария Желтоводского... С. 51—52; *Кравец Е.В.* Почитание преподобного Макария Унженского и Желтоводского как один из источников движения обновления в России в первой половине XVII века // Труды Нижегородской духовной семинарии. Вып. 9. Н. Новгород, 2011. С. 227—237; *Кривоцов Д.Ю.* После Смуты: Строительство малых монастырей в России XVII века как воплощение общественного идеала деятелей Второго ополчения // Московский журнал. 2012. № 12(264). С. 40—49.

⁴ *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 123—124.

пленных и защитника от врагов. С его заступничеством связывали, в частности, победу над отрядами А. Лисовского в 1609 г. Население Поволжья считало Макария патроном Второго ополчения, а его покровительство рассматривалось как залог успеха в деле освобождения страны от интервентов⁵.

Принято считать, что Юрьевец-Повольский и его округа, где находились многие владения кн. Д.М. Пожарского, сыграли особую роль в распространении культа святого. «Сказание о чудесах преподобного Макария», введённое в научный оборот Н.В. Поньрко, описывает события Смутного времени на территории, примыкавшей к Юрьевцу-Повольскому в 1609 г. Источник сообщает, что «град Юрьевец-Повольский велию тесноту от безбожных ляхов прияше... Бяше бо воюяй град сей некто воевода Лисовский... со многим воинством... Тогда мнози от граждан... оставльше дома своя... в леса... вселишася... И сущим им в бегстве, согласишася окрестных весей, именуемых Елнатския и Березниковския, с земледельцы, и начаша молити... о избавлении от окаянного того схизматика, в помощь же призывающее новаго чудотворца, преподобнаго отца Макария Унженского... и обещашася ему во граде Юрьевце и предреченных весех во имя его церкви воздвигнути... И егда... они, окааннии ляхи... хотяще... переехати... в весь, именуемую Коряковскую... тогда коряковстии жители... на берег Волги вси собравшееся, брань противу врагов творяху... И обещашася тогда вси они и коряковстии жители монастырь воздвигнути во имя преподобнаго... И абие в то время... воеводы православнороссийстии, нашедше на оных окаянных ляхов... помощью Божию и молитвами преподобнаго Макария до конца их разориша и победиша. И тако коряковстии жители избавльшася молитвами преподобнаго Макария от окаянных ляхов... В то же время... и в пределех града Суждала и Нижняго Новаграда, в селех, именуемых Решме и Пурихе... тамошнии поселяне велию тесноту и озлобление от безбожных ляхов страдаху... Киждо во своем селе... на моление... чудному Макарию Унженскому обратишася, дабы им избавиться от душегубных еретиков. И обещашася во своих селех монастыри чудотворцу Макарию воздвигнути. И яко сия они обещаными своими предложиша... по сем вскоре... от российского воинства, ово из Юрьевца, ово из Нижняго нашедшаго, противни низложению быша»⁶.

Достоверность сведений, приведённых в «Сказании», подтверждается источниками. Юрьевец-Повольский и его округа в 1608 — начале 1609 г. действительно находились под властью сторонников Лжедмитрия II. В марте 1609 г. нижегородский воевода А.С. Алябьев, активно действовавший против тушинцев, отправил в Юрьевец-Повольский сотню стрельцов во главе с Фёдором Мостининым приводить к присяге царю Василию Шуйскому местное население. Однако вскоре возникла угроза городу со стороны одного из военачальников Лжедмитрия II А. Лисовского, сначала захватившего Кинешму, а затем, в конце мая 1609 г., подошедшего и к Юрьевцу-Повольскому. Его отряды вступили в бой с местными силами, остававшимися верными царю Василию

---

⁵ Малиновский А.Ф. Биографические сведения о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском. М., 1817. С. 100—101; Бутурлин М. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 года // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1875. Кн. 4. С. 36—38; Поньрко Н.В. Обновление Макарьева Желтоводского монастыря... С. 62—64; Воскобойник Н.В. Сказание о чудесах... С. 37.

⁶ Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Древлехранилище, 351, л. 328—337. Цит. по: Поньрко Н.В. Обновление Макарьева Желтоводского монастыря... С. 63—64.

Шуйскому. Затем Лисовский осадил город и прислал горожанам грамоту, «чтоб они вору крест целовали, кто называется ростригою».

1 июня 1609 г. из Нижнего Новгорода под Юрьевец-Повольский отправили сотню Мисюря Соловцова с приказом «итить... наспех днем и ночью». Действия отряда поддержали юрьеvecкие и балахонские «даточные люди», однако «лисовчики» смогли нанести им поражение и в середине июня 1609 г. овладели городом. Отряд сторонника Лисовского суздальского воеводы Ф.К. Плещеева пошёл в Луховский уезд. В итоге после поражения отряд М. Соловцова, получив подкрепления, вновь направился к Юрьевцу-Повольскому, к тому времени уже оставленному Лисовским. Соловцов принял решение преследовать противника, двинулся вверх по Волге и настиг неприятеля у острова Мамшин в пяти верстах от села Решмы. В ходе вооружённых столкновений тушинцы понесли серьёзные потери, но Лисовский смог отойти к Ростову⁷. О важности этих событий свидетельствует и факт их занесения в «Новый летописец»: «Прииде весть в Нижней, что из Суздаля идет Лисовской с литовскими людьми и с рускими воры за Волгу воевать Костромских, и Галицких, и Унженских мест, и Юрьевских. И посла Федор Иванович (Шереметев, воевода царя Василия Шуйского. — А.М.) на них судами, и сошли их под Юрьевцом-Поволским на острову и побиша их наголову, иные потопоша. Лисовский же не с великими людьми утече, что еще в те поры был на берегу, и возвратишася ратные люди в Нижней со многим богатством»⁸. Важно отметить, что события 1609 г. сохранялись в народной памяти и спустя почти два века после завершения Смуты. О.П. Голиков, крестьянин села Нижний Ландех (бывшей вотчины кн. Д.М. Пожарского, пожалованной ему в 1609 г. «за московское осадное сидение»⁹), в конце XVIII — начале XIX в. приводил сведения о пребывании поляков в регионе, в частности на его малой родине: «В тож самое бедственное и смутное время и на село Нижней Ландех с деревнями и с починки было нашествие польских и литовских войск, Лисовского с товарищи; мы о сем слышали от стариков, от прадедов и дедов, а они слышали от своих предков, что в нашествие их святыню церковную разграбили, женский пол оскверняли, людей убивали да и неповинных младенцев, наклав на дворовые заборины, а сверху другими давили. Тогда люди ландехские, которые могли и успели уйтить со всем семейством в густой и дремучий лес, в то время былый вокруг села, те ушли и спаслися, а кои не ускорили, те пили горькую чашу»¹⁰.

⁷ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 2. СПб., 1864. № 230. Стб. 674; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АИ). Т. II. СПб., 1841. № 239. С. 239; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12. С. 74—76; Антонов А.В. К начальной истории нижегородского ополчения // Антонов А.В. Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 284—286. Более подробную реконструкцию событий см.: Кабанов А.Ю. Нижегородский дворянин Мисюрь Соловцов — забытый герой эпохи Смуты // Мининские чтения. Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского подвига. Н. Новгород, 2012. С. 144—146.

⁸ ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 89.

⁹ Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 6. Иваново; Южа, 2011. С. 29.

¹⁰ Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Крестьянин-краевед О.П. Голиков — исследователь истории Смуты // Смутное время: итоги и уроки. Сборник материалов Второй всероссийской научной конференции. Иваново—Кохма—Шуя, 20—22 апреля 2012 г. Иваново, 2012. С. 419.

Факт основания нескольких обителей в честь прп. Макария после победы над Лисовским подтверждается источниками. Известно, что жители Коряковской волости основали Макарьевский мужской монастырь в селе Немда, существовавший до начала XVIII в.¹¹ Особое внимание жителей Коряковской волости, Юрьевца, Решмы и других сопредельных территорий к культуре святого доказывается и поминальными записями синодика Унженского монастыря XVII в., где фигурирует немало имён выходцев из этих населённых пунктов¹². Это говорит о том, что лидер Второго ополчения мог проникнуться особым уважением к почитанию прп. Макария, широко распространённому в тех местах, где располагались владения Пожарского. Особое почитание святого характерно в это время и для Нижнего Новгорода. Объясняется это тем, что прп. Макарий считался «покровителем Нижегородския страны». Уже в начале XVII в. ему была составлена служба, приведённая в Минее 1646 г.¹³ В писцовой книге Нижнего Новгорода начала 1620-х гг. в местных храмах и монастырях зафиксированы иконы с изображением преподобного. Особо отмечен и придел церкви Жён Мироносиц, в приходе которой, как считается, родился святой¹⁴. В этой связи можно предположить, что пребывание Пожарского в Нижнем Новгороде в период формирования Второго ополчения также могло способствовать его интересу к личности прп. Макария¹⁵.

Пожарский принял активное участие в оформлении почитания святого вскоре после «королевичева прихода» под Москву и возвращения из польского плена отца царя Михаила Фёдоровича Филарета, будущего патриарха. Об интересе Филарета к фигуре прп. Макария свидетельствует фиксация в описи патриаршей келейной казны 1630 г. Службы и Жития Макария Желтоводского¹⁶. Сохранилось свидетельство того, что в 1619 г., во время подготовки канонизации Макария, Пожарский представил патриарху документ, где было отмечено, что «от Макарьева ж... чудотворцова образа в его, князь Дмитрееве, поместье в Пурецкой волости чудеса и исцеленье многим людем»¹⁷. Примечательно, что именно в это время князь входил в ближайшее окружение только что возвратившегося из польского плена Филарета. 18 июня 1619 г. польский чиновник Ян Гридич сообщал канцлеру Л. Сапеге, что отец царя «Бориса Лыкова, Трубецкого, Пожарского приблизил к себе»¹⁸. Факт близости князя к патриарху подтверждает регулярное участие Пожарского в придворных церемониях 1620-х гг. По наблюдениям К.В. Петрова, он присутствовал на 37 «столах»

---

¹¹ *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 3. СПб., 1897. № 1727. С. 91.

¹² *Алексеев А.И.* Древнейший синодик Макариева Унженского Троицкого монастыря // Вестник церковной истории. 2007. № 4(8). С. 19–34.

¹³ *Балыкин П.П.* Икона «Макарий Желтоводский» Симона Ушакова // *Балыкин П.П.* Древнерусское искусство Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1999. С. 62.

¹⁴ Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. СПб., 1896. Стб. 28, 33, 328, 331, 343.

¹⁵ Подробнее о формировании Второго ополчения см.: *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017. С. 37–56.

¹⁶ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. III. СПб., 1876. Стб. 907.

¹⁷ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. М., 1848. С. 17.

¹⁸ Цит. по: *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. С. 149.

и занимал по количеству участия в придворных церемониях третье место после М.Б. Шеина и кн. Д.И. Мезецкого¹⁹.

Даты получения Пожарским владений в Пурецкой волости также позволяют отчасти выяснить появление особого интереса князя к фигуре прп. Макария. Известно, что село Пурех в родовую вотчину князю пожаловали в 1613—1614 гг.²⁰ 19 сентября 1619 г. часть территорий Пурецкой волости ему дали «в додачу к его к Балахонской да к Суздальской вотчине»²¹. Писцовая книга Д.В. Лодыгина 1621—1623 гг. фиксирует эти пожалования: «Дано в вотчину за службу московское очищение и за службу за московское сиденье в королевичев приход под Москву, в Пурецкой волости село, что был погост Вершилово... стоит на три усада». В селе Вершилово зафиксирована построенная князем деревянная церковь в честь Воскресения Христова, где находился «образ Макария, чудотворца Желтовотцкого»²². В той же писцовой книге отмечено, что Пожарский «в вотчине своей в Пурецкой ж волости на вотчинной пустоши Петряевской поставил монастырь преподобного Макария Желтовотцкого собою, а на монастыре церковь Преображения Христова да два предела — предел Макария чудотворца да предел Еуфимия Суждалского, древена, верх шатром. А в церкви и в пределах всякое церковное строенье вотчинниково боярина князя Дмитрия Михайловича. А на монастыре святые ворота, а ограда в замет, да две кельи игуменских, да восемь келей братских, да хлебня, да поварня, да напогребница, поставление боярское». На содержание обители Пожарский выделил «из своей ж вотчинной земли Пурецкие ж волости из старых деревень» несколько крестьянских дворов²³. Документы зафиксировали, что князь построил монастырь «по обещанью»²⁴. Этот обет Пожарский вполне мог дать в 1611 г., собираясь освобождать Москву.

Особое внимание к памяти прп. Макария со стороны князя можно объяснить тем, что когда-то святой жил в тех местах, где располагались владения Дмитрия Михайловича. В фонде известного историка и издателя журнала «Русский архив» П.И. Бартенева сохранились записи устных рассказов и преданий о кн. Д.М. Пожарском²⁵, объясняющие, почему лидер Второго ополчения обращал особое внимание на фигуру прп. Макария. Среди этих свидетельств сохранился рассказ о том, что, «когда святой Макарий ходил освещать церковь в Лух, то дневал в Пурихе, и после на этом самом месте, где угодник Божий останавливался, построили монастырь с деревянною церковью, но Пожарский в честь святителя (так в тексте. — А.М.) Макария оклад каменную церковь, ту

¹⁹ Петров К.В. Делопроизводство Разрядного приказа XVI—XVII веков в официальных и частных рукописях. Исследования и материалы. М., 2018. С. 408.

²⁰ Юлин В.П. Село Вершилово — центр нижегородской вотчины князя Д.М. Пожарского // Записки краеведов. Н. Новгород, 2010. С. 12.

²¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822. С. 212.

²² Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII века. Ч. 2. М., 2015. С. 534.

²³ Там же. С. 563, 565. Монастырь располагался около сельца Крапивинское, сейчас это западная часть села Пурех (Шматов В.Е. История Преображенского Макарьевского монастыря // Благословенное имя. Материалы научной конференции, посвящённой памяти преподобного Макария Желтоводского и Унженского (1349—1444). Н. Новгород, 2011. С. 38).

²⁴ Нижний Новгород в XVII веке. Сборник документов. Горький, 1961. С. 103.

²⁵ РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, № 92.

самую, что и теперь стоит»²⁶. Житие святого также сообщает, что он ушёл «в пустыню безмолвного ради пребывания на реку, глаголемую Лух», где и «созда себе келию малу»²⁷. Принято считать, что на месте этой кельи уже в начале XV в. появилась обитель, известная как Макарьевская Богоявленская Луховская или Болдырева пустынь. По преданию пустынь была разорена поляками в начале XVII в. но затем восстановлена и существовала до 1763 г.²⁸ Таким образом, инициатива открытия Пожарским монастыря в честь прп. Макария в своей вотчине могла быть вызвана не только «обещанием» князя, но и наличием по соседству ещё одной Макарьевской обители.

Источники содержат упоминания о первом настоятеле Макарьевского Унженского монастыря — игумене Евфимии²⁹. Известны имена и других настоятелей — игумена Исаяи (декабрь 1643 г.), строителей Дионисия и Герасима³⁰. В краеведческой литературе утвердилась точка зрения о том, что именно в этой обители жили ушедшие на покой раненые соратники кн. Пожарского³¹. Правнучка Д.М. Пожарского П.Д. Нарышкина в 1693 г. свидетельствовала, что монастырь её прадед «построил... на вотчинной своей пустоши Петряевской», а в самой обители при князе Дмитрие Михайловиче и его сыновьях Петре и Иване «бывали иноки, человека по три и по четыре, нищие и дряхлые, постригаются для милостыни из той же вотчины»³². В 1647 г. здесь было семь братских келий, а в подмонастырской слободе числились 13 бобыльских дворов³³.

Сохранились сведения о вкладышах в обитель членов семьи Д.М. Пожарского. 1 октября 1635 г. кн. П.Д. Пожарский дал «в дом боголепного Преображения Господа Иисуса Христа и великого чудотворца Макария» напрестольный крест чеканной работы «по жене своей Настасье Григорьевне». 9 декабря 1636 г. «по матери своей княгине Прасковье Варфоломеевне да по брате своем князе Федоре Димитриевиче, да по княгине своей Настасье Григорьевне» он пожертвовал «Евангелие напрестольное». Внук Дмитрия Михайловича Василий Петрович 14 ноября 1641 г. пожаловал семипудовый колокол. Делала вклады и княгиня Феодора Андреевна (урождённая Голицына), вторая жена князя

---

²⁶ Любопытно отметить, что эти рассказы фиксируют и представления людей конца XVIII — начала XIX в. о личности и внешности народного героя. Он описывался как человек «роста высокого», который «имел большую седую бороду и носил длинный кафтан с откидным воротником... бывало пойдет с Псалтырем в руке ко всем мужикам, спрашивает: о житье-бытье их, читает им Псалтырь, а у кого увидит много хлеба и скота, порадуется избытку хозяина, похвалит за досужество, погладит лошадушек и овечек его, да, осмотрев так народ в одном селе, отправится в другое село, где также навестит всех, утешит, поможет кому надобно, и слышь ты бают: очень добрый был» (Там же, л. 2).

²⁷ Житие Макария Желтоводского и Унженского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб., 2005. С. 270.

²⁸ *Зверинский В.В.* Указ. соч. Т. 3. № 1726. С. 90—91; *Кабанов А.Ю.* Страницы истории Лухского края // Лухский край. Земля заповедная. Иваново, 2003. С. 324.

²⁹ Записка о древностях Спасо-Преображенской церкви в селе Пурихе Балахнинского уезда, бывшей вотчине князя Д.М. Пожарского // Нижегородские губернские ведомости. 1847. № 24. Часть неофициальная. С. 95.

³⁰ АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 395—396; *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 632.

³¹ *Шматов В.Е.* Пурех. Киров, 2004. С. 82; *Соколов А., прот.* Род Мининых и князь Дмитрий Пожарский. Н. Новгород, 2007. С. 136.

³² АИ. Т. V. № 225. С. 395—396.

³³ *Макарий (Миролюбов), архим.* Памятники церковных древностей. Н. Новгород, 1999. С. 548—549.

Дмитрия Михайловича³⁴. Монастырь фигурирует и в завещании последнего. Он распорядился дать в обитель «пять рублей да две лошади». Столь небольшой объём вклада некоторые исследователи объясняют тем, что финансовая помощь Пожарского была значительной при основании обители³⁵.

Важную информацию о судьбе монастыря после смерти Д.М. Пожарского содержит челобитная постриженника обители старца Германа 1651 г. Старец, обращаясь с просьбой принять его без вклада в Вознесенскую Печерскую обитель Нижнего Новгорода, сообщал, что ранее он жил «в вотчине боярина... князя Дмитрея Михайловича Пожарского в монастыре у Макарья чудотворца в селе в Пурехе, пострижен пятнадцать лет, и после-де сына ево князя Петра Пожарского та Пурецкая волость роздана в роздачу розным помещикам, и что-де вотчинниковы дачи дано было к тому монастырю, и те крестьяне у монастыря взяты и розданы тем же помещиком, и монастырь-де от тово оскудел, а они, старцы, разбрелись врзнь»³⁶. Это важное свидетельство позволяет сделать вывод о том, что период расцвета обители и особого внимания к ней со стороны семьи Пожарских закончился со смертью сына полководца Петра Дмитриевича.

Некоторые авторы отмечали особое внимание лидера Второго ополчения и к другой обители — Макарьевскому Желтоводскому монастырю, разорённому татарами в 1439 г. и возрождённому вскоре после завершения Смуты³⁷. Пожарский якобы «первый стал возобновлять... своим иждивением» эту обитель³⁸. Между тем источники не содержат информации о том, что князь принимал участие в возрождении монастыря. Сохранились лишь сведения о том, что в своём завещании князь указал сделать в обитель вклад — «двадцать рублей дати»³⁹. Инициатива возрождения этой обители, как отмечала Н.В. Поньрко, исходила от «черных людей»⁴⁰, к тому же возрождённый монастырь располагался далеко от владений Пожарского. Наконец, ко времени возрождения Желтоводской обители в 1620—1621 гг. князь руководил одновременно Ямским и Разбойным приказами, и, надо полагать, проводил большую часть времени в Москве⁴¹.

Недавно опубликованные Е.Н. Горбатовым дворянские челобитные второй половины 1620-х гг. содержат просьбы представителей служилой корпорации о совершении богомолий в Макарьевский Желтоводский и Унженский монастыри. Необходимость этих посещений обосновывалась в основном ухудшением состояния здоровья. Именно своей болезнью в 1626 г. А.А. Плещеев объяснял своё желание «помолитца Макарью Желтовоцкому чудотворцу». В. Тихменев также «лежал болен, а лежа... обрекался ехать молиться Макарию Унженскому

³⁴ Записка о древностях... С. 95.

³⁵ Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 143—145.

³⁶ Центральный архив Нижегородской области, ф. 579, оп. 589, д. 229, л. 1.

³⁷ О времени возрождения монастыря см.: Морохин А.В. К вопросу о времени обновления Макарьевского Желтоводского монастыря // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Н. Новгород, 2012. С. 64—66.

³⁸ Малиновский А.Ф. Указ. соч. С. 101; РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, № 92, л. 2.

³⁹ Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского. С. 152.

⁴⁰ Поньрко Н.В. Обновление Макарьева Желтоводского монастыря... С. 64.

⁴¹ Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. С. 145—146; Дворцовые Разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярией. Т. I. 1612—1628 гг. СПб., 1850. Стб. 449, 474, 476.

чюдотворцу». Будучи «немошным», ездил туда и думный дьяк Иван Грамотин и др. Были случаи, когда дворяне совершали паломничества «по обещанию», чтобы «помолитца». Примечательно, что предпочтение отдавалось именно Макарьеву Желтоводскому монастырю: из 17 случаев богомолий, зафиксированных в челобитных, 10 совершены именно туда. Он выделяется среди прочих православных обителей и по количеству посещений московскими чинами⁴².

Неудивительно, что именно с этим монастырём связано дальнейшее распространение популярности святого в Поволжье. В середине XVII в. оттуда в Казанский уезд пришёл иеромонах Исая, основавший на месте, где, по преданию, останавливался в 1430-х гг. прп. Макарий, Свяжскую Макарьевскую пустынь. К сожалению, сведений о ранней истории этой обители не сохранилось. В 1816 г. её строитель иеромонах Иов сообщал, что в монастыре «ничего касательно до древности в архиве не имеется»⁴³. На мой взгляд, открытие Макарьевской пустыни можно связать с деятельностью ещё одного питомца Макарьевского Желтоводского монастыря — Корнилия, бывшего некоторое время его игуменом. В 1650 г. он стал Казанским митрополитом и предоставил Макарьевской пустыни часть земельных владений Казанского архиерейского дома⁴⁴.

Вышеприведённые факты позволяют расширить сведения о почитании в Поволжье прп. Макария Унженского и Желтоводского, в распространении которого особую роль сыграл кн. Д.М. Пожарский.

---

⁴² Горбатов Е.Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626—1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 219, 224, 225, 227, 232, 234, 251, 254, 258, 262, 266, 279, 282, 286, 294, 295, 307, 320, 322, 345, 382.

⁴³ Национальный архив Республики Татарстан, ф. 4, оп. 1, д. 173, л. 21; Зверинский В.В. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1892. № 916. С. 201—202.

⁴⁴ Подробнее о нём см.: Морохин А.В. К биографии митрополита Казанского и Свяжского Корнилия (1650—1656 гг.) // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение. Сборник статей к юбилею доктора исторических наук В.В. Митрофанова. Нижневартовск, 2017. С. 264—271.